

HAL
open science

**Женский костюм восточногерманской традиции с
большими двупластинчатыми фибулами на Боспоре
Киммерийском и на Северном Кавказе в эпоху Великого
переселения народов.**

Anna V Mastykova, Michel M Kazanski

► **To cite this version:**

Anna V Mastykova, Michel M Kazanski. Женский костюм восточногерманской традиции с большими двупластинчатыми фибулами на Боспоре Киммерийском и на Северном Кавказе в эпоху Великого переселения народов.. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2024, 20 (3), pp.651 - 677. <10.32653/CH203651-667>. <hal-04732458>

HAL Id: hal-04732458

<https://hal.science/hal-04732458v1>

Submitted on 11 Oct 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203651-667>

Исследовательская статья

Мастыкова Анна Владимировна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amastykova@mail.ru

Казанский Михаил Михайлович,
хабилитированный доктор (docteur habilité), ведущий научный сотрудник,
Национальный центр научных исследований (CNRS),
Исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье», Коллеж де Франс, Париж, Франция
michel.kazanski53@gmail.com

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ВОСТОЧНОгерманской ТРАДИЦИИ С БОЛЬШИМИ ДВУПЛАСТИНЧАТЫМИ ФИБУЛАМИ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Аннотация: В статье рассматривается женский костюм восточногерманской традиции, который получил распространение в эпоху Великого переселения народов как на Северном Кавказе, так и в Крыму. Для него характерны одна или две большие двухпластинчатые фибулы, носимые на груди или плечах. В Крыму и Тамани костюм с такими фибулами в первой половине V в. имел престижный характер. На Кавказе большинство погребений с этим костюмом найдено на Черноморском побережье Северного Кавказа, прежде всего, в могильнике Дюрсо, расположенном около Новороссийска. В VI в. письменные источники фиксируют здесь готов-тетракситов. В V в., как известно, они мигрировали из Восточного Крыма на Северо-Западный Кавказ. Рассматриваемые большие двухпластинчатые фибулы и их копии уменьшенных размеров известны на протоадыгских памятниках Кубани и Северо-Восточного Причерноморья типа Пашковский-Карповка. Костюм с двумя двухпластинчатыми фибулами, как установлено, являлся престижным, по меньшей мере, у готов-тетракситов, которым принадлежал некрополь Дюрсо. Могилы, в которых находился рассматриваемый наряд, обычно имели довольно богатый погребальный инвентарь. Костюм с двухпластинчатыми фибулами на груди и плечах имел восточногерманское происхождение. Его прототип известен на памятниках черняховской культуры, в которой он получил особенное распространение. В гуннский период этот костюм с небольшими двухпластинчатыми фибулами, распространившийся и в Северном Причерноморье, стал базисным в процессе формирования «княжеского» костюма с большими двухпластинчатыми фибулами. Во второй половине V в. этот элитный костюм стал типичным для «среднего класса» у восточных германцев и получил распространение в Барбарикуме. Археологически наблюдаемые процессы трансформации и адаптации престижного германского костюма с двухпластинчатыми фибулами на значительных пространствах Евразии от Атлантики и Прибалтики до Прикаспия и Приаралья происходили на фоне и в контексте широкого распространения различных компонентов материальной культуры (в том числе костюма) различных племен и народов в условиях небывалого ранее роста активных и разносторонних этнокультурных связей в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов; Боспор Киммерийский; Северный Кавказ; готы-тетракситы; фибулы; женский костюм

Для цитирования: Мастыкова А.В., Казанский М.М. Женский костюм восточногерманской традиции с большими двухпластинчатыми фибулами на Боспоре Киммерийском и на Северном Кавказе в эпоху Великого переселения народов // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 651-667. doi.org/10.32653/CH203651-667

© Мастыкова А.В., Казанский М.М., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203651-667>

Research paper

Anna V. Mastykova,
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
amastykova@mail.ru

Michel M. Kazanski,
Dr. Habil., Leading Researcher
National Center for Scientific Research, UMR 8167 “Orient and Mediterranean”
Collège de France, Paris, France
michel.kazanski53@gmail.com

FEMALE COSTUME OF THE EAST GERMANIC TRADITION FEATURING LARGE TWO-PLATE BROOCHES IN THE CIMMERIAN BOSPORUS AND NORTH CAUCASUS IN THE MIGRATION PERIOD

Abstract. This article examines the female costume of the East Germanic tradition, which became widespread during the Migration Period in both the North Caucasus and Crimea. This costume is characterized by one or two large two-plate brooches worn on the chest or shoulders. In Crimea and Taman, this style was considered prestigious in the first half of the 5th century. In the Caucasus, most burials featuring this costume were found along the Black Sea coast of the North Caucasus, primarily at the Dyurso burial ground near Novorossiysk. In the 6th century, written sources document the presence of the Tetraxite Goths in this region. It is known that in the 5th century, these groups migrated from Eastern Crimea to the Northwestern Caucasus. The prominent two-plate brooches and their smaller versions have been identified at Proto-Adyghe sites in the Kuban and Northeastern Black Sea areas, specifically of the Pashkovsky-Karpovka type. The costume featuring two two-plate brooches has been established as prestigious, at least among the Tetraxite Goths, who are associated with the Durso necropolis. The graves containing these outfits typically had a rich assortment of burial goods. The costume featuring two-plate brooches on the chest and shoulders has its origins in the East Germanic tradition. Its prototype is known from sites of the Chernyakhov culture, where it was particularly widespread. During the Hunnic period, this costume, adorned with small two-plate brooches, spread to the Northern Black Sea region and laid the foundation for the development of the “princely” costume distinguished by large two-plate brooches. By the second half of the 5th century, this elite costume had become typical for the East Germanic “middle class” and was prevalent in Barbaricum. The transformation and adaptation of the prestigious Germanic costume with two-plate brooches across vast areas of Eurasia – from the Atlantic and Baltic to the Caspian and Aral Sea regions – occurred in the context of a significant dissemination of various components of material culture, including costume elements of different tribes and peoples. This transformation unfolded against the backdrop of an unprecedented growth of active and diverse ethnocultural ties during the Migration Period.

Keywords: Great Migration Period; Cimmerian Bosphorus; North Caucasus; Tetraxite Goths; brooch; female costume

For citation: A.V. Mastykova, M.M. Kazanski. Female costume of the East Germanic tradition featuring large two-plate brooches in the Cimmerian Bosphorus and North Caucasus in the Migration Period. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. No 3. P. 651-667. doi: [org/10.32653/CH203651-667](https://doi.org/10.32653/CH203651-667)

Женский костюм восточногерманской традиции в эпоху Великого переселения народов характеризуется наличием в одежде одной или двух фибул-застежек, которые играли как утилитарную, так и эстетическую функции, и которые носили на груди или плечах. Особенно показательны большие (более 10 см) фибулы, чаще всего из металлического листа, с полукруглой или многоугольной головкой, сравнительно короткой дужкой и вытянутой пластинчатой ножкой. В данной работе будет рассмотрен механизм появления и распространения этого костюма на Боспоре Киммерийском (Восточный Крым и Тамань) на Северном Кавказе (рис. 1).

Германские элементы, в частности в женском костюме, распространяются в материальной культуре Боспора Киммерийского и Северного Кавказа уже на ранней стадии эпохи Великого переселения народов, в последней трети IV и в первые десятилетия V в. [подробнее см.: 1; 2]. Но в Восточном Крыму и на Северном Кавказе, как и повсеместно в Европе, убор с большими двупластинчатыми фибулами появляется немного позднее [3, с. 51, 52; 4].

Костюм с большими двупластинчатыми фибулами на груди или на плечах исследователи единодушно считают восточногерманским по происхождению, его прототип представлен на памятниках черняховской культуры. У носителей этой культуры женский убор включал в себя, как правило, пару малых (5–8 см) двупластинчатых фибул и ожерелье из бус, которые нередко сопровождалась поясной пряжкой, а также гребнем и/или набором туалетных принадлежностей, подвешенных к поясу, подвесками из ракушек и кости [5, там же библиография]. Этот костюм, являющийся разновидностью одежды восточногерманской традиции с двумя фибулами на плечах, известен в римское время, помимо черняховской, и в вельбаркской культуре [подробнее см.: 5], возникновение которой связывается с *миграцией* готов в южном направлении, и получает свое дальнейшее развитие в эпоху Великого переселения народов. За пределами черняховской и вельбаркской культур погребения, в которых встречены пары малых и средних двупластинчатых фибул восточногерманской традиции, довольно широко распространились в Европе в эпоху Великого переселения народов – от Южного Урала до Пиренеев [подробнее о них: 6, с. 76–91; 7; 8].

Именно на основе черняховского костюма с малыми двупластинчатыми фибулами, формируется «княжеский» костюм с подобной формы большими фибулами. Появляется он, как сейчас определенно представляется на основе археологических данных, в аристократической среде («престижные» погребения) на Дунае около 400 г., в период D2 по хронологии европейского Барбарикума, т.е. 380/400–440/450 гг., и впоследствии получает распространение на обширном пространстве от Пиренеев до Кавказа [6, с. 86–91; 9]. Этот «княжеский» костюм, рассматриваемый как типичный для стиля / горизонта Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), названный так по знаменитому богатому захоронению в одноименном могильнике, предстает многокомпонентным. Его элементы имеют своими истоками различные этнокультурные традиции, а именно: германскую, сармато-аланскую, или вернее понтийскую, которая представлена и у степных кочевников, и у оседлого населения Северного Причерноморья, и, наконец, римскую традиции [9; 10]. Крайним восточным аналогом ему по многим составляющим элементам этого богатого костюма (двупластинчатые фибулы, нашивные бляшки, броши, лунницы, зеркало, серьги, туалетный набор) выступает «княжеское» одеяние из известной гробницы Ираги в Горном Дагестане [11, с. 82–97].

Погребения – Унтерзибенбрунн, Ираги и др. – дают характерные примеры сочетания таких различных традиций: можно отметить, что использование пары двупластинчатых фибул в костюме типа Унтерзибенбрунн выступает заимствованием из убранства женского костюма черняховской культуры [12; 9, р. 113–117], тогда как зеркала с центральной петлей и различные мелкие нашивные золотые бляшки, предстающие характерными аксессуарами костюма, отражают сармато-аланский вектор влияния [10; 13]. Последние были популярны и у оседлого населения Боспора и Танаиса, отражая тесные культурные контакты со степняками, в меньшей степени – у жителей Юго-Западного Крыма. Поясные же пряжки больших размеров, получившие достаточно широкое распространение в Северном Причерноморье с VI в., вероятно, по мнению М. Мартина, демонстрируют заимствование и подражание престижному романскому костюму IV–V вв. [14, S. 34–42, 55, 56, 63–79].

Для горизонта Унтерзибенбрунн показательными являются большие двупластинчатые фибулы, обтянутые золотым листом, с полихромным декором, или серебряные, гладкие [15; 16, S. 185–190]. Последние доминируют в аристократическом костюме восточногерманской традиции к середине V в., в период D2/D3 или горизонт Смолин (Smolin), что соответствует 430/440–460/470 гг. [16, S. 355].

Серия захоронений на территории Боспора Киммерийского, относящихся к горизонтам Унтерзибенбрунн и Смолин, содержит элементы германского женского костюма «княжеского» статуса, в том числе небольшие по размерам копии двупластинчатых фибул. Такие захоронения известны в Керчи (погр. 154, 1904 г. / захоронение 2, погр. 165, 1904 г. / захоронение 3), Фанагории (Восточный некрополь («С»), погр. 50, 1937 г. / восточная камера / заполнение¹) (рис. 2, 1) [17, S. 78, 79; 18, p. 186; 19; 4; 20]. Для Северного Кавказа большие двупластинчатые фибулы гуннского времени известны единично лишь на северо-западе региона – это беспаспортные находки в Майкопе и Масхако [3, с. 197, 208, рис. 24, 1, 2, табл. 16, 3, 63, 3].

Однако большинство женских погребений с большими двупластинчатыми фибулами в Европе, в частности у готов Северного Кавказа, Крыма, Дуная, а также в остроготской Италии и в визиготской Галлии и Испании, принадлежат более позднему времени, от 470–480-х по 600-е гг. [21]. Их характеризуют большие двупластинчатые фибулы с расширением ножки ближе к дужке (подгруппа Амброз II: [6, с. 86–91]), восходящие к дунайским типам середины V в., например, Смолин – с накладками в виде пальметты у дужки (рис. 8, 1–3), Косино (Kosino) – с треугольными накладками (ср. рис. 6, 6, 15–17; 8, 4–6, 11), Бакодпуста (Bakódpusztá) – с полукруглыми накладками (ср. рис. 6, 13, 14, 18; 8, 7–10) [3, с. 51, 52]. Некоторые фибулы подгруппы Амброз II имеют не полукруглую, а треугольную головку (рис. 7; 8, 6). Их прототипом, видимо, являлись дунайские двупластинчатые фибулы гуннского времени, например, как найденной в Унтерзибенбрунн, длиной 12,5 см [24, Taf. 229. 51,1, 51,164; 22, Cat. № 9, 8], однако за пределами Северного Причерноморья для постгуннского времени большие двупластинчатые фибулы с треугольной головкой неизвестны.

Большие двупластинчатые застёжки известны в Юго-Западном Крыму у готов страны Дори [напр.: 25, Taf. 22, 98; 24, Taf. 219. 51,1, 51,6, 51,7; 26, с. 255], а также у визиготов в Южной Галлии и Испании [27, fig. 14; 47, fig. 6; 28, S. 16–21; 29], у восточногерманских выходцев в Северной Галлии (подробнее см.: [30; 31; 32; 33; 34]).

В их погребениях представлен характерный костюмный инвентарь, который включает не только двупластинчатые фибулы, но также браслеты с расширенными концами, серьги с 14-гранниками, зеркала с центральной петлей, большие пряжки, в том числе с прямоугольным щитком и украшенные орлиной головой, пряжки с ромбическим щитком с зооморфным декором и др. Безусловно, этот предметный набор представляет собой «демократическую» реплику престижного «княжеского» костюма середины V в. [29], но теперь он характеризует уже более широкие слои населения, своего рода «средний класс»² эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья. В это время, к концу V в., у германцев на Дунае и остроготов в Италии происходит определенная смена моды в костюмном аксессуаре. Она характеризуется, в частности, тем, что на смену большим двупластинчатым фибулам приходят пальчатые фибулы, вошедшие в обиход с середины V в. При этом следует заметить, что в этих регионах поздние двупластинчатые фибулы представлены немногочисленными экземплярами, что, как представляется, демонстрирует происходивший здесь более быстрый процесс смены моды, когда к концу V в. двупластинчатые фибулы сменяются пальчатыми в costume не только элиты, но и «среднего класса».

Конкретные механизмы распространения моды на двупластинчатые фибулы, скорее всего, связаны с миграциями каких-то престижных групп среднедунайского населения. В Испанию и Южную Галлию эта мода могла быть занесена людьми знатного представителя рода Амалов, Видимера, прибывшего со своей свитой к визиготскому двору в 473 г. [36]. В Северной Галлии большие двупластинчатые фибулы могли распространяться среди семей выходцев с Дуная, завербовавшихся в позднеримскую / раннемеровингскую армию [подробнее см.: 31]. Наконец, в Северное Причерноморье эта мода могла быть принесена германскими союзниками гуннов, такими как ангискиры, отступившими на восток вместе с сыновьями Атиллы после разгрома при Недао [37].

Погребений с двупластинчатыми фибулами очень немного на Боспоре Киммерийском после середины V в. В первую очередь следует назвать два погребения с престижным женским убором в Китее,

1. По декору и общей морфологии фибулы из Фанагории относятся к типу Смолин, но от больших смолинских застёжек фибула из Фанагории отличается более скромными размерами (рис. 2, 1). Последнее обстоятельство сближает её с парой небольших двупластинчатых фибул (длина 8,2 см), также украшенных пальметтой, из «княжеского» погребения Хохфельден (Hochfelden) в Эльзасе, относящегося к периоду D2 (рис. 2, 2, 3) [22, cat. № 13,3; 23, fig. 1, 1, 2].

2. К этой социальной категории для восточных германцев эпохи Великого переселения народов принято относить погребения со сравнительно недорогими, но довольно крупными по размеру украшениями из цветных металлов [см.: 21, с. 23; 34].

могильнике Джурга-Оба. Одно из них, женская ингумация в погребении № 29 (рис. 3), содержало две фибулы – уменьшенные копии больших двупластинчатых застежек типа Бакодпуста, середины – второй половины V в. (рис. 3, 11, 12) [18, p. 342–344]. Второе погребение, № 40, было разрушено, но в нем была найдена пара небольших двупластинчатых фибул (рис. 4, 6, 7), а также предметы богатого женского убора – в частности серьги второй половины V в. (рис. 4, 1, 2) [18, p. 346].

Помимо захоронений в Джурга-Обе можно назвать лишь погребение 78.1907 г. / захоронение 4, на северном склоне горы Митридат, в Керчи (рис. 5). В этой ингумации обнаружены две относительно небольшие двупластинчатые фибулы на плечах погребенной (рис. 5, 1, 2), бусы на груди (рис. 5, 3) и два бронзовых зеркала за головой (рис. 5, 4, 5) [38, с. 32; 4]. В то же время в Восточном Крыму и на Тамани имеется большое количество депаспортизованных двупластинчатых фибул крупных размеров. Часто это покупки у торговцев древностями или у гробокопателей, поэтому их точная привязка условна. В качестве места находок указывались Керчь (рис. рис. 6, 1, 2, 4, 5, 9-12, 18; 7, 3)³, Чокрак на Керченском полуострове (рис. 6, 6-8, 16, 17; 7, 4-6), Тамань (рис. 6, 15), а также «Крым» и «Южная Россия» (здесь не учтены)⁴.

На Северном Кавказе почти все археологически засвидетельствованные случаи присутствия такого костюма в погребальном контексте приходятся на Черноморское побережье Северного Кавказа, в районе современного г. Новороссийск (рис. 1, 1). Именно в этой зоне письменные источники VI в. помещают готов-тетракситов, которые, по данным Прокопия Кесарийского, мигрировали сюда из Восточного Крыма, где примерно после 429 г. (после утверждения вандалов в Северной Африке) во время вторжения отступающих из Европы гуннов-утигуров по результатам переговоров с последними были вынуждены присоединиться к ним и переселиться «по ту сторону [Меотийского] Болота», т.е. в Восточное Приазовье, Нижнее Прикубанье [48, VIII.5.15–22].

Можно полагать, что готы-тетракситы играли немаловажную роль в военно-политической жизни Северного Причерноморья в гуннский период. Как сообщает Прокопий, в 21 году правления Юстиниана (527–565), т.е. в 548 г., в Константинополь прибыло их посольство, которое провело с императором тайные переговоры [48, VIII.4.11–13]. Судя по тому, что во время войны утигуров против гуннов-кутригуров в 551 г. готы-тетракситы выставили двухтысячный отряд воинов во главе с Сандилом [48, VIII.18.22], они представляли довольно многочисленное племя. Наконец отметим, что на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, у гавани Пагры (Πάγρας; в районе Геленджика?) Псевдо-Арриан, составивший в конце V в. «Перипл Понта Эвксинского», упоминает племя *Eudousianoí* (*Εὐδουσιανοί*), которое говорило на готском и таврском языках⁵ (Continuation du Périple anonyme, Codex Londonienses, § 22. Цит. по: [39, p. 139]), см. также [40, p. 130].

С готами-тетракситами исследователи связывают могильник Дюрсо, расположенный близ Новороссийска (рис. 1, 1) [41; 42]. Некрополь Дюрсо, в котором исследовано 525 погребений V–IX вв. и 16 захоронений лошадей, опубликован пока частично, однако погребения с двупластинчатыми фибулами уже введены в научный оборот [43]. Эти захоронения относятся А.В. Дмитриевым к начальному периоду (фазы 1–3) функционирования некрополя, дата которых сейчас определяется в рамках 450–530 / 540 гг. (подробнее см.: [44]). Большие двупластинчатые фибулы встречены в ряде женских и детских захоронений – это погребения 197, 259, 292, 408, 410, 420, 490, 500, 516, 517 (рис. 8). Имитации больших двупластинчатых фибул, отличающиеся малыми размерами, присутствуют в погребениях 483 и 510 (ср.: рис. 8, 12, 13). Кроме того, двупластинчатые фибулы в качестве приношений присутствуют в мужских погребениях 291 и 300. На памятниках побережья большие двупластинчатые фибулы происходят также из погр. 57 могильника Бжид-1 (рис. 1, 2) и в виде упоминавшейся случайной находки из Мысхако, которая, очевидно, несколько более ранняя и относится к гуннскому времени [45; 3, с. 197, табл. 16, 3].

Большие двупластинчатые фибулы и их копии уменьшенных размеров известны также на протоадыгских памятниках типа Пашковский-Карповка (рис. 1, 3–7), расположенных вне прибрежной зоны:

3. Кроме того, из Керчи происходят фибулы несколько меньших размеров (8,6 и 8,8 см.), имитирующие формы больших фибул: [24, Taf. 221.51, 44, 45].

4. Пользуемся случаем поблагодарить А.А. Строкова за любезно предоставленные фотографии фибул из архива Г. Кюна.

5. Ανονύμου Περίπλου Πόντου Εὐξίνου (Anonymi Periplus Ponti Euxini). §64: «Ἀπὸ οὖν Σινδικοῦ λιμένος ἕως Πάγρας λιμένος πρώην ὄκουν ἔθνη οἱ λεγόμενοι Κερκέται ἦτοι Τορίται, νῦν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδουσιανοὶ λεγόμενοι τῇ Γοθτικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ». См. перевод А. Подосинова: «<The space> from the Sindian harbour as far as the harbour of Pagras was earlier inhabited by the peoples called the Kerketai or the Toritai, but now here live so-called Eudousianoí who are using the Gothic and the Tauric language»: Podossinov, *Anonymi*.

Хабль, погребение 1; Хутор Ленина-4; Краснодарское водохранилище; Майкоп⁶; Варнавинское-3, погр. 38 (рис. 6, 3, 13, 14; 7, 1, 2) [24, Taf. 221. 51, 52–54; 3, с. 51, 52, кат. 2.1,3,4; 46, рис. 3, 4]⁷.

Как правило, парные двупластинчатые фибулы фиксируются в могилах на плечах погребенных (Дюрсо, погр. 408, 410, 420; Хабль) (рис. 9, 1–3). В погребении 483 некрополя Дюрсо встречены три двупластинчатые фибулы: две из них располагались на плечах, и одна была положена поперек, в верхней части груди (рис. 9, 4). В могилах, в которых двупластинчатые фибулы представлены по одному экземпляру, они располагались, как правило, на правом плече погребенного (Дюрсо, погр. 292, 500, 516, 517; Бжид 1, погр. 57), и лишь однажды зафиксировано положение на левом плече (Дюрсо, погр. 490) (рис. 9, 5, 6) [3, с. 147].

Судя по довольно богатому сопровождающему погребальному инвентарю, костюм с двупластинчатыми фибулами, несомненно, расценивался у готов-тетракситов, с которыми связывается могильник Дюрсо, как престижный (подробнее см.: [45]). В состав аксессуара костюма погребенных с двупластинчатыми фибулами входили также дополнительные дуговидные фибулы (Бжид 1, погр. 57; возможно, Дюрсо, погр. 410 и 517), гривны (Дюрсо, погр. 292, 483, 500, 516), браслеты (Дюрсо, погр. 292, 408, 410, 420, 483, 490, 500, 516; Бжид 1, погр. 57), ожерелья из бус (Дюрсо, погр. 292, 408, 410, 483, 490, 516, 517; Хабль), серьги (Дюрсо, погр. 292, 410, 483, 490, 517; Бжид 1, погр. 57), поясная (Дюрсо, погр. 408, 410, 420, 500, 517) и обувная гарнитура (Дюрсо, погр. 408, 410, 483, 490, 500, 516, 517; Хабль), нагрудные цепочки (Дюрсо, погр. 408, 410, 483, 516; Бжид 1, погр. 57), цепочка с подвеской-когтем животного (Дюрсо, погр. 516), бусы-подвески (Дюрсо, погр. 420, 500) [3, с. 148, 149].

В отдельных случаях затруднительно определить принадлежность того или иного предмета, найденного на груди, у рук, на пояснице или на ногах погребенных, к собственно костюму покойника. Нельзя исключать, что некоторые вещи, судя по их местоположению в могиле, могли быть ритуальными подношениями [3, с. 149].

Северокавказские фибулы, вне всякого сомнения, являются репликой дунайских застезек, что вполне соответствует веяниям моды того времени (см. выше). Скорее всего, они изготавливались в мастерских Боспора Киммерийского [3, с. 51]. На Северном Кавказе фиксируется, как представляется по археологическим материалам, начало процесса аккультурации костюма с большими двупластинчатыми фибулами, занесенного сюда готами-тетракситами. В некрополе Дюрсо этот костюм относительно часто сопровождается шейными гривнами (погр. 292, 483, 500, 516), что не свойственно для собственно германского костюма. В четырех эпизодах из восьми отмечено нахождение на погребенном пары фибул (Дюрсо, погр. 408, 410, 420, 483) – черта, характеризующая балкано-дунайский костюм. Следует отметить и отсутствие в захоронениях некрополя Дюрсо больших поясных пряжек, которые часто встречаются в женском восточногерманском уборе того времени и даже считаются для него типичными. Выше уже обращалось внимание на наблюдение М. Мартина, который показал, что крупные поясные пряжки являются характерным атрибутом романского женского престижного костюма IV–V вв. Но при этом следует отметить, что пояса с такими пряжками свойственны одежде римлянок без фибул. Римский костюм V в. послужил основой для формирования женского одеяния романского населения Бургундии, Аквитании и Северной Галлии позднего VI–VII вв., в который входили большие поясные пряжки, иногда сопровождавшиеся небольшими фибулами-брошами римской традиции [14].

Вместе с тем, некоторые северокавказские погребения с небольшими фибулами (Дюрсо, погр. 490; Чми 1, погр. 4 – скелет девочки; Пашковский могильник № 1, погр. 4, 1949 г.), отчетливо демонстрируют происходившую на месте трансформацию германских прототипов двупластинчатых фибул (рис. 8, 14) при определенном сохранении традиции их парного использования в костюме. Здесь появляются свои, местные типы двупластинчатых фибул, но, как уже на то обращалось внимание, в погребении 4 аланского некрополя Чми 1 «зафиксирована обычная для германцев парность фибул, а в погребении 490 могильника Дюрсо – их позиция на плече строго соответствует восточногерманским канонам» [3, с. 151].

Археологически наблюдаемые процессы трансформации и адаптации престижного германского костюма с двупластинчатыми фибулами за пределами расселения собственно германских племен

6. Скорее всего, это место покупки предмета.

7. Кроме того, на памятниках Западного и Центрального Предкавказья имеются местные имитации двупластинчатых фибул, которые здесь не рассматриваются [о них см.: 3, с. 53–55].

на значительных пространствах Евразии от Атлантики и Прибалтики до Прикаспия (Буйнакский курган, Ираги, Паласа-сырт) и Приаралья (Джеты-Асар) происходили на фоне и в контексте широкого распространения различных компонентов материальной культуры (в том числе костюма) различных племен и народов в условиях небывалого ранее роста активных и разносторонних этнокультурных связей в эпоху Великого переселения народов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

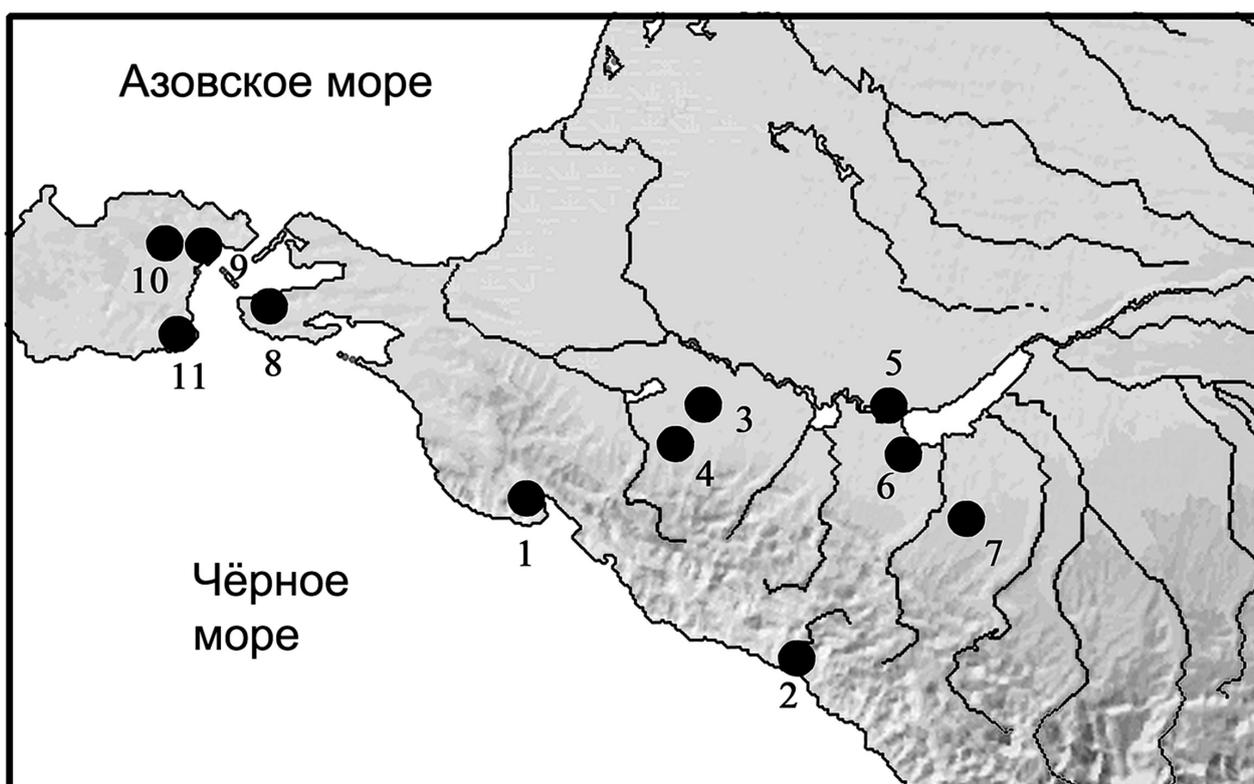

Рис. 1. Распространение двухпластинчатых фибул восточногерманской традиции в постгуннское время в Северо-Восточном Причерноморье.
1: Дюрсо; 2: Бжид-1; 3: Хабль; 4: Варнавинское-3; 5: Хутор Ленина; 6: Краснодарское озеро; 7: Майкоп; 8: Тамань; 9: Керчь; 10: Чокрак; 11: Джурга-Оба.
Учитывая масштаб карты, локализация археологических памятников приближительна

Fig. 1. Map of distribution of double-plate brooches of the East Germanic tradition in the post-Hunnic period in the North-Eastern Black Sea region.
1 – Durso; 2 – Bzhid-1; 3 – Habl; 4 – Varnavinskoe-3; 5 – Hutor Lenina; 6 – Krasnodar Lake; 7 – Maikop; 8 – Taman; 9 – Kerch; 10 – Chokrak; 11 – Djurga-Oba.
Considering the scale of the map, the localization of archaeological sites is approximate

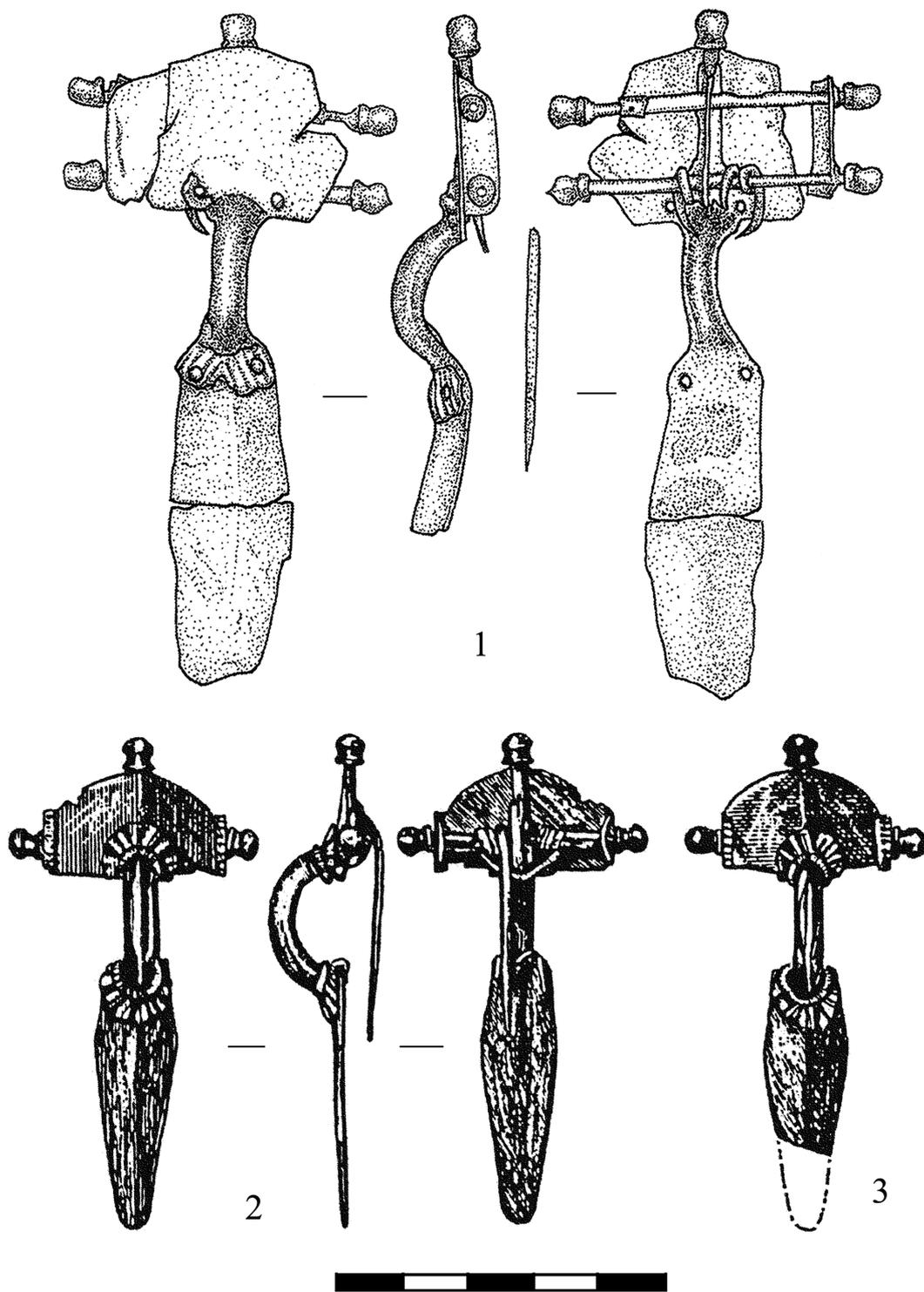

Рис. 2. Фибула из заполнения восточной камеры погребения Фанагория 50.1937 г. (1) и фибулы из «княжеского» погребения Хохфельден (2, 3).
1: по Строчков 2018, рис. 3, 2; 2: по Kazanski, Mastykova 2018, fig. 1, 1-2

Fig. 2. Fibula from the filling of the eastern burial chamber of Phanagoria 50.1937 (1) and brooches from the "princely" burial of Hochfelden (2, 3).
1 – after Strokov 2018, fig. 3, 2; 2 – after Kazanski, Mastykova 2018, fig. 1, 1-2

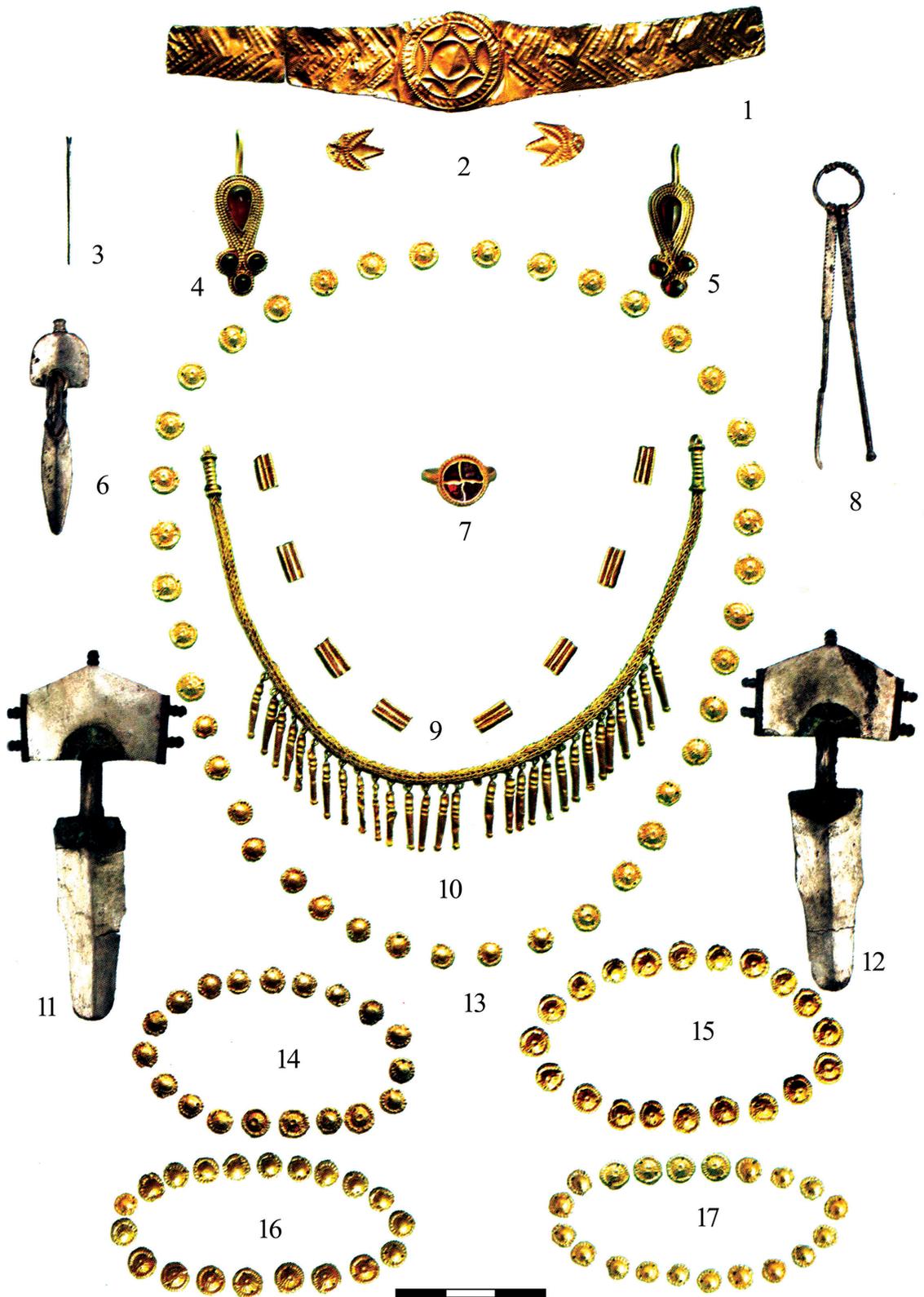

Рис. 3. Джурга-Оба, погребение 29. Предметы из ингумации женщины. По Ermolin 2012, fig. 3

Fig. 3. Djurga-Oba, burial 29. Items from the inhumation of a woman. After: Ermolin 2012, fig. 3

Рис. 4. Джурга-Оба, погребение 40. Предметы женского убора из заполнения. По Ermolin 2012, fig. 5
 Fig. 4. Djurga-Oba, burial 40. Items of women's clothing from the burial goods. After Ermolin 2012, fig. 5

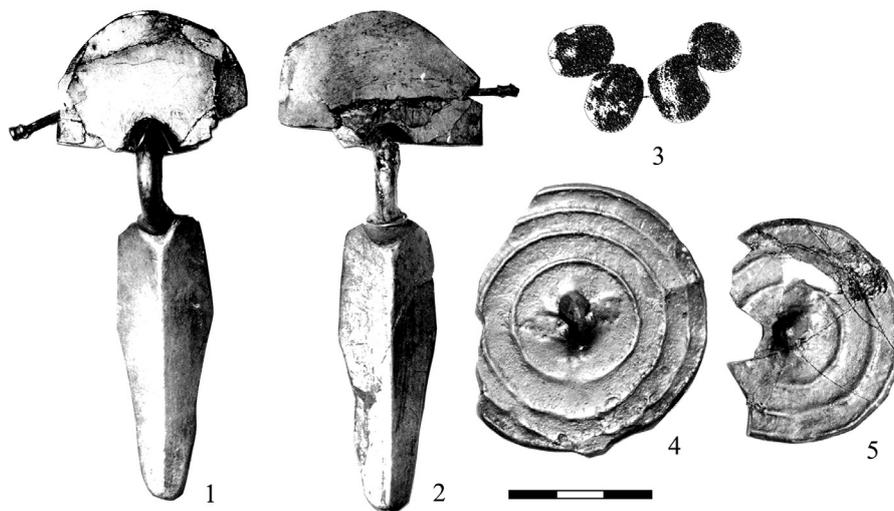

Рис. 5. Вещи из погребения 78.1907 г. / ингумация 4, в Керчи. Фото М.М. Казанского
 Fig. 5. Items from burial 78.1907, inhumation 4, Kerch. Photo by M.M. Kazanski

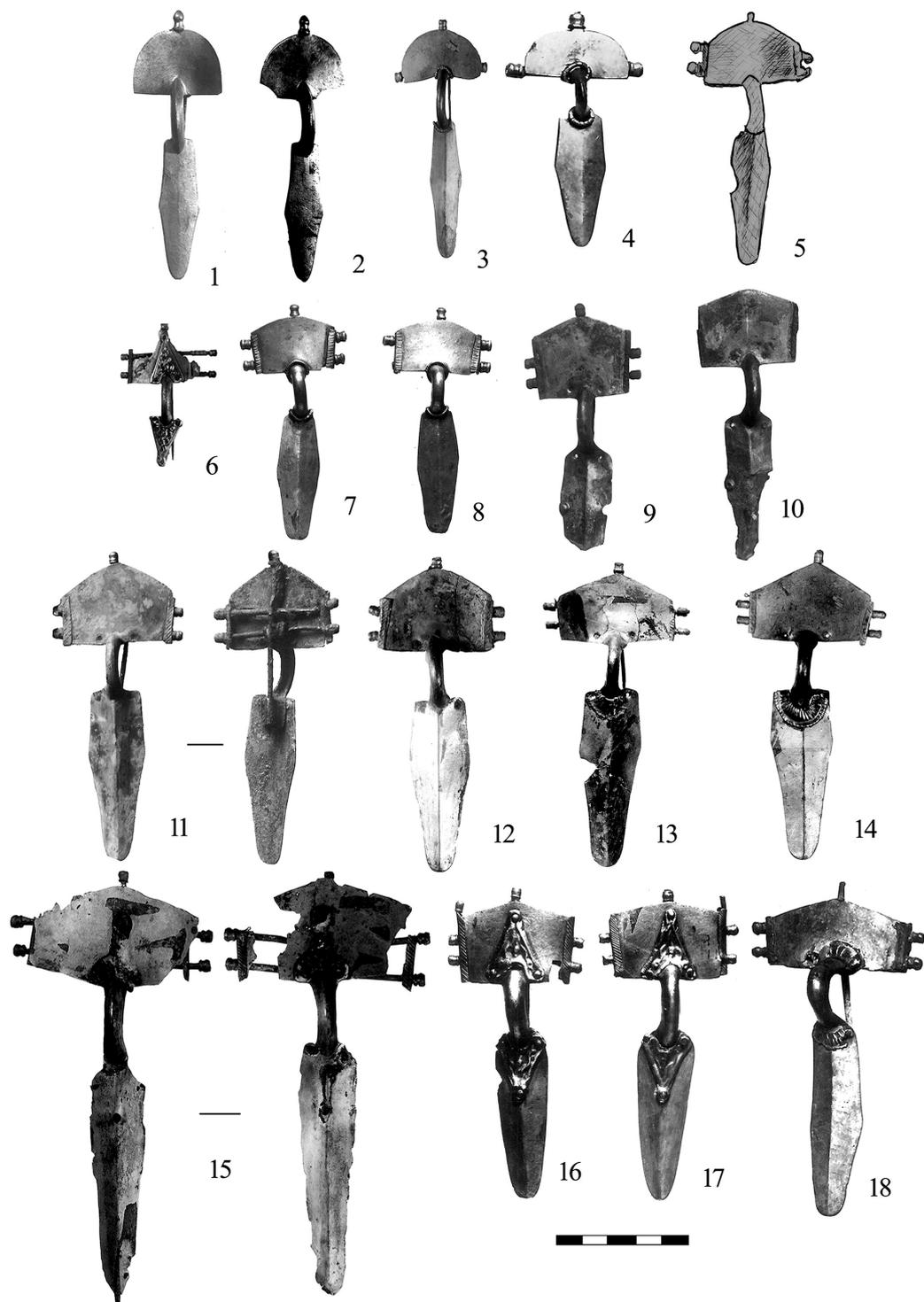

Рис. 6. Большие двухпластинчатые фибулы и их уменьшенные копии с территории Боспора Киммерийского и Северного Кавказа. 1, 2, 4, 5, 9, 10–12, 18 – Керчь; 3, 13, 14 – Майкоп; 6–8, 16, 17 – Чокрак; 15 – Тамань. 1, 2 – по Kühn 1974, Taf. 220. 51, 25; 3 – по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 53; 4 – по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 38; 5 – по Kühn 1974, Taf. 220. 51, 33; 6 – картотека Г. Кюна; 7, 8 – по Kühn 1974, Taf. 224. 51, 99; 9 – по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 39; 10 – по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 40; 11, 12 – по Kühn 1974, Taf. 220. 51, 30; 13, 14 – по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 52; 15 – по Kühn 1974, Taf. 224. 51, 93; 16, 17 – по Kühn 1974, Taf. 224. 51, 100; 18 – по Kühn 1974, Taf. 220. 51, 35

Fig. 6. Large two-plate brooches and their smaller copies from the territory of the Bosphorus of the Cimmerian and Northern Caucasus. 1, 2, 4, 5, 9, 10–12, 18 – Kerch; 3, 13, 14 – Maykop; 6–8, 16, 17 – Chokrak; 15 – Taman. 1, 2 – after Kühn 1974, Taf. 220.51, 25; 3 – after Kühn 1974, Taf. 221.51, 53; 4 – after Kühn 1974, Taf. 221. 51.38; 5 – after Kühn 1974, Taf. 220. 51, 33; 6 – card index of G. Kühn; 7, 8 – after Kühn 1974, Taf. 224. 51, 99; 9 – after Kühn 1974, Taf. 221. 51, 39; 10 – after Kühn 1974, Taf. 221. 51, 40; 11, 12 – after Kühn 1974, Taf. 220. 51, 30; 13, 14 – after Kühn 1974, Taf. 221. 51, 52; 15 – after Kühn 1974, Taf. 224. 51, 93; 16, 17 – after Kühn 1974, Taf. 224. 51, 100; 18 – after Kühn 1974, Taf. 220. 51, 35

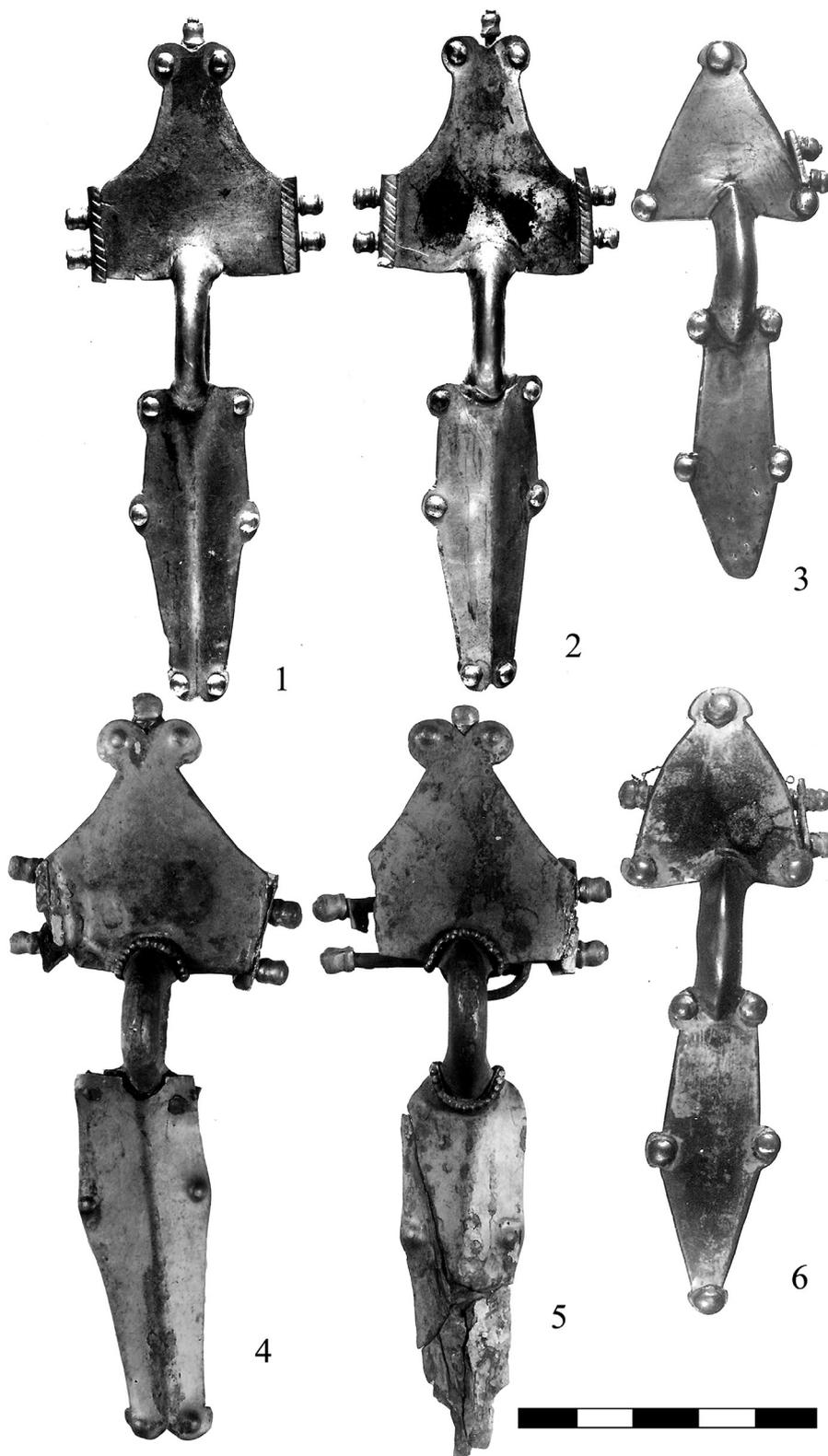

Рис. 7. Большие двухпластинчатые фибулы с треугольной головкой и их уменьшенные копии с территории Боспора Киммерийского и Северного Кавказа. 1, 2: Майкоп; 3: Керчь; 4–6: Чокрак.

1, 2: по Kühn 1974, Taf. 221. 51, 54; 3: Керчь: по Kühn 1974, Taf. 220. 51, 34; 4–6: Чокрак: по Kühn 1974, Taf. 224. 51, 101, 102

Fig. 7. Large two-plate brooches with a triangular head and their smaller copies from the territory of the Bosphorus of the Cimmerian and Northern Caucasus. 1, 2 – Maikop; 3 – Kerch; 4–6 – Chokrak.

1, 2 – after Kühn 1974, Taf. 221. 51, 54; 3: Kerch: after Kühn 1974, Taf. 220. 51, 34; 4–6: Chokrak: after Kühn 1974, Taf. 224. 51, 101, 102

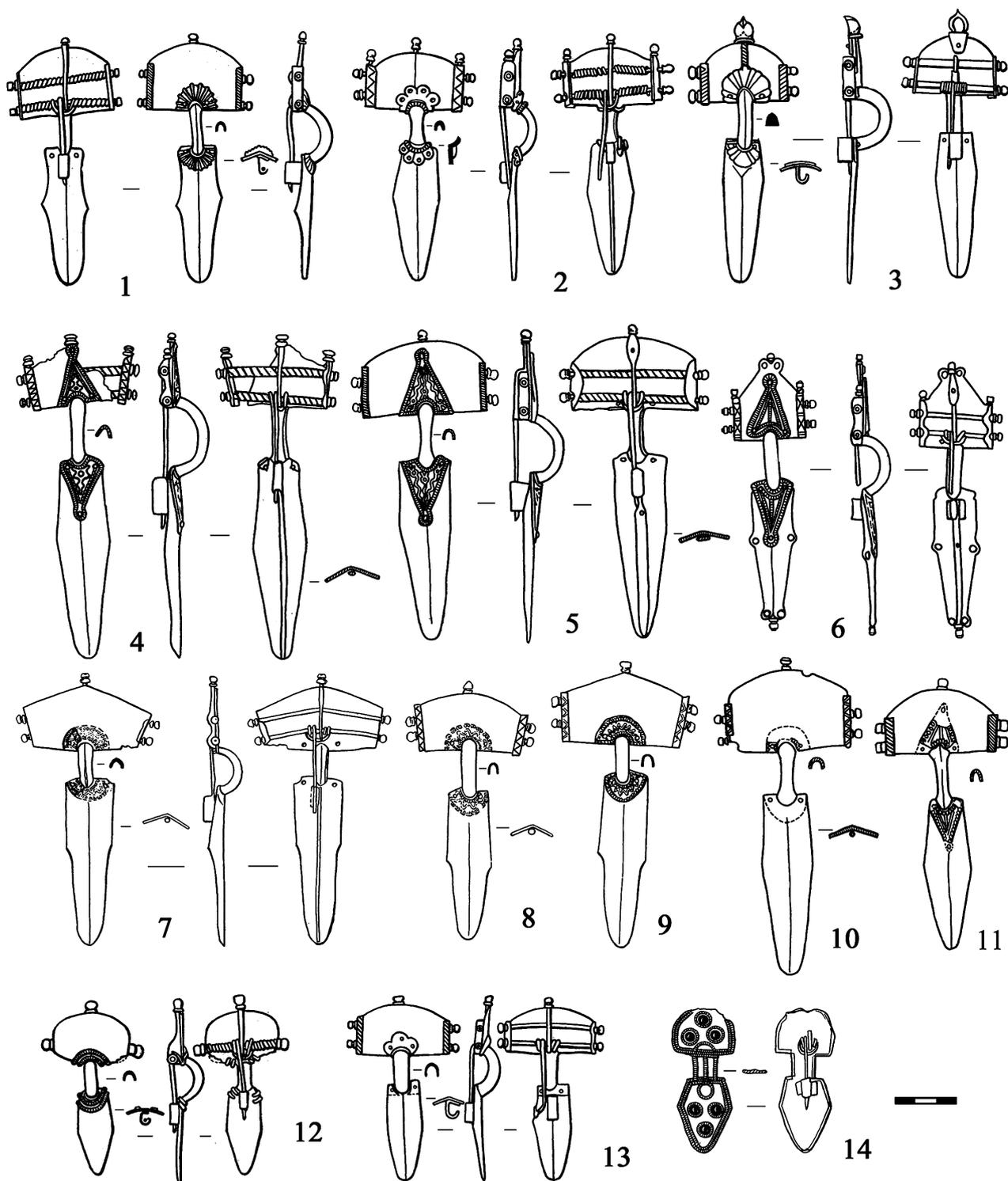

Рис. 8. Примеры двупластинчатых фибул постгуннского времени из могильника Дюрсо.
 1, 12: погр. 483; 2, 3: погр. 300; 4: погр. 197; 5: погр. 292; 6: погр. 420; 7: погр. 259; 8: погр. 517; 9: погр. 410; 10: погр. 291; 11:
 погр. 500; 13: погр. 510; 14: погр. 490. По Дмитриев 1982, рис. 1

Fig. 8. Examples of double-plate brooches of the post-Hunnic period from the Durso burial ground.
 1, 12 – burial 483; 2, 3 – burial 300; 4 – burial 197; 5 – burial 292; 6 – burial 420; 7 – burial 259; 8 – burial 517; 9 – burial 410; 10 –
 burial 291; 11 – burial 500; 13 – burial 510; 14 – burial 490. After Dmitriev 1982, fig. 1

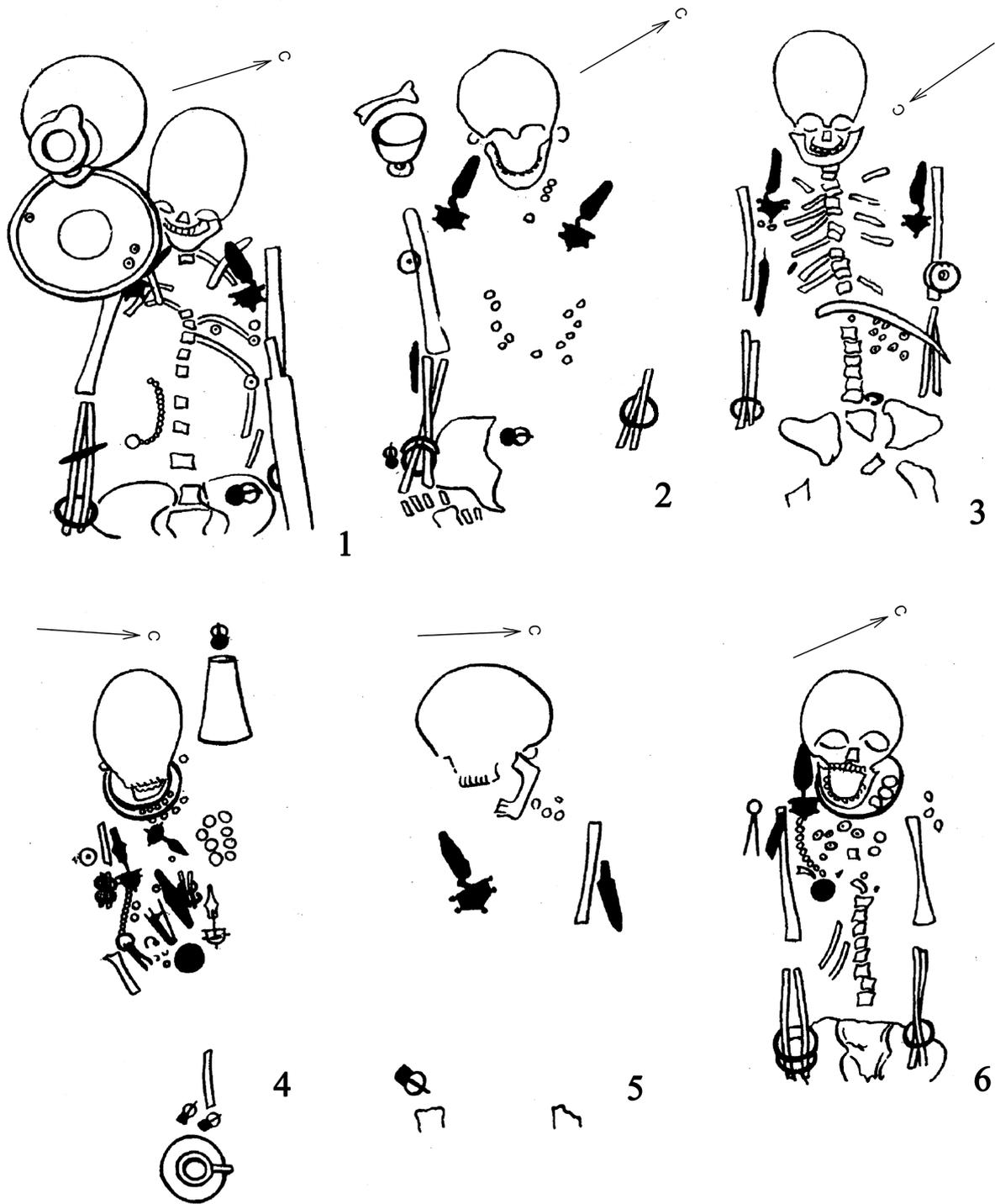

Рис. 9. Местоположение двупластинчатых фибул в погребениях могильника Дюрсо.
1: погр. 408; 2: погр. 410; 3: погр. 420; 4: погр. 483; 5: погр. 517; 6: погр. 516. По Дмитриев 1982, рис. 7, 1-6

Fig. 9. Double-plate brooches arrangement in the burials of the Durso burial ground.
1 – burial 408; 2 – burial 410; 3 – burial 420; 4 – burial 483; 5 – burial 517; 6 – burial 516. After Dmitriev 1982, fig. 7, 1-6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 4. 1998. С. 102–135.
2. Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. Вып. XL. 2020. С. 140–156.
3. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. М.: Институт археологии РАН, 2009. – 502 с.
4. Мастыкова А.В. Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 5. 2017. С. 239–251.
5. Мастыкова А.В. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров. Санкт-Петербург – Кишинева: Stratum plus, 2011. С. 341–366.
6. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. – 114 с.
7. Gauss F. Völkerwanderungszeitliche «Blechfibeln»: Typologie, Chronologie, Interpretation. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. – 646 S.
8. Казанский М.М. Археологические следы миграции готов в эпоху переселения народов: черняховские находки на Римском Западе // Scripta Antiqua. Вып. V. 2016. С. 50–75.
9. Kazanski M. Les tombes "princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis: APDCA, 1996. P. 109–126.
10. Казанский М.М., Мастыкова А.В. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. Москва: Государственный исторический музей, 2005. С. 253–267.
11. Давудов О.М. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1. 2013. С. 82–97.
12. Bierbrauer V. Zu den Vorkommen ostgotischer Bugelfibeln in Raetia II // Bayerische Vorgeschichtsblätter. Bd. 36. 1971. S. 131–165.
13. Мастыкова А.В. Золотые аппликации и трубочки-пронози в престижном женском костюме в гуннское время // Археологическое наследие. № 1 (4). 2021. С. 146–159.
14. Martin M. Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'Art des invasions en Hongrie et en Wallonie / Dir. G. Donnay. Mariemont: Musée royal de Mariemont, 1991. S. 31–84.
15. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) -Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 38. 1991. S. 541–592.
16. Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. – 466 S.
17. Damm I.G. Völkerwanderungszeitliche Frauentracht // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden / Hrsg. T. Werner. Heidelberg: Kehrler Verlag, 1999. S. 76–83.
18. Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus / A. Ermolin // The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration / Dir.
1. Kazanski MM., Mastykova AV. Germanic elements in the culture of the population of the North Caucasus in the era of the Great Migration of Peoples. *Historical and Archaeological Almanac of the Armavir Museum of Local History*. 1998; 4: 102-135. (In Russ)
2. Kazanski MM. Goths on the Cimmerian Bosphorus at the beginning of the era of the Great Migration of Peoples. *Bosporan Studies*. 2020; Issue 40: 140-156. (In Russ)
3. Mastykova AV. *Female Costume of the Central and Western Ciscaucasia in the Late 4th - Mid 6th Centuries*. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 2009. (In Russ)
4. Mastykova AV. Women's Costume of Germanic Origin in the Funeral Context of the Early Byzantine Cities of the Northern Black Sea Region (5th–6th Centuries). *Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*. 2017; 22(5): 239-251. (In Russ)
5. Mastykova AV. Women's Costume of the Chernyakhov Culture with Two-Plate Fibulae. *Apocrypha. Epistle of Mark*. Ed. O.V. Sharov. Saint-Petersburg – Chisinau: Stratum Plus, 2011: 341-366. (In Russ)
6. Ambrose AK. *Fibulae of the South of the European Part of the USSR, 2nd Century BC – 4th Century AD*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
7. Gauss F. *Völkerwanderungszeitliche «Blechfibeln»: Typologie, Chronologie, Interpretation*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009.
8. Kazanski MM. Archaeological Traces of Goth Migration during the Migration Period: Chernyakhov Finds in the Roman West. *Scripta Antiqua*. 2016; 5: 50-75. (In Russ)
9. Kazanski M. Les tombes "princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique. *The Identity of Archaeological Populations. Acts of the 16th International Conference on Archaeology and History of Antibes*. Sophia Antipolis: APDCA, 1996: 109-126.
10. Kazanski MM., Mastykova AV. On the origin of the "prince" costume of the barbarians of the Hunnic period (the Untersiebenbrunn horizon). *II Gorodtsov Readings / Ed. I.V. Belotserkovskaya*. Moscow: State Historical Museum, 2005: 253-267. (In Russ)
11. Davudov OM. Funeral complex of the Iraginsky burial ground. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2013; 9(1): 82-97. (In Russ)
12. Bierbrauer V. Zu den Vorkommen ostgotischer Bugelfibeln in Raetia II. *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. Bd. 36. 1971: 131-165.
13. Mastykova AV. Gold appliques and pierced tubes in prestigious women's costume in the Hunnic period. *Archaeological Heritage*. 2021; 1(4): 146-159. (In Russ)
14. Martin M. Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania. *L'Art des invasions en Hongrie et en Wallonie*. Dir. G. Donnay. Mariemont: Royal Museum of Mariemont, 1991: 31-84.
15. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Jg. 38. 1991: 541-592.
16. Tejral J. *Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011.
17. Damm IG. Völkerwanderungszeitliche Frauentracht. *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden / Hrsg. T. Werner*. Heidelberg: Kehrler Verlag, 1999: 76-83.
18. Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus. *The Pontic-Danubien Realm in*

- V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris – Belgrade: ACHXCByz, 2012. P. 339–348.
19. Строчков А.А. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского в Фанагории // Краткие сообщения Института археологии Вып. 251. 2018. С. 214–217.
20. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Восточногерманские древности дунайской традиции на Азиатском Боспорое в ранневизантийское время (V–VI вв.) // ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 3. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 13–34.
21. Амброс А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 113. 1968. С. 10–23.
22. L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. – 224 p.
23. Kazanski M., Mastykova A. La tombe de Hochfelden // In Tempore Sueborum. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. Pp. 109–114.
24. Kühn H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974. – 528 S.
25. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Band 1. Die Fibeln. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961. – 68 S., 56 Taf.
26. Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антика, 2017. – 368 с.
27. Sculler C., Hernandez J. La nécropole de Belou Nord à Saint-laurent-des-Hommes // Du royaume goth au Midi mérovingien / Ed. E. Boube, A. Corrochano, J. Hernandez. Bordeaux: Ausonius, 2019. P. 143–164.
28. Ebel-Zepezauer W. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.–7. Jh. n. Chr. Mainz/ Verlag Philipp von Zabern, 2000. – 388 S.
29. Kazanski M., López Quiroga J., Périn P. Le costume féminin des élites germaniques orientales et ses répliques «populaires» dans le royaume wisigothiques aux Ve – VIe siècles. // Revue archéologique. N° 1. 2022. P. 127–151.
30. Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // Antiquités nationales. N° 29. 1997. P. 167–209.
31. Kazanski M., Périn P. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. Vol. 29. 1997. P. 201–217.
32. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Die Archäologie der Westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung // Zwischen Spätantike und Mittelalter / Hrsg. S. Brather. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2008. S. 149–192.
33. Казанский М.М., Перен П. Визиготы в Галлии (по археологическим данным) // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 39. 2013. С. 240–266.
34. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Les Wisigoths en Gaule du Nord d'après les données de l'archéologie: état des recherches // Tractus Aevorum. T. 2. №1. 2015. P. 44–87.
35. Пинар Жил Ж. Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244. 2016. С. 13–46.
36. Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve – VIe siècles) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 411–424.
37. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. Вып. I. 2011. С. 27–49.
- the Period of the Great Migration. Dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris – Belgrade: ACHXCByz, 2012: 339–348.
19. Strokov AA. A Crypt from the Period of the Great Migration of Peoples from V.D. Blavatsky's Excavations in Phanagoria. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2018; 251: 214–217. (In Russ)
20. Kazanski MM., Mastykova AV. East Germanic Antiquities of the Danube Tradition in the Asian Bosphorus in the Early Byzantine Period (5th–6th Centuries). *ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Issue 3. Ed. N.A. Alekseenko. Simferopol: IT ARIAL, 2023: 13–34. (In Russ)
21. Ambrose AK. Danube elements in the early medieval culture of Crimea (VI–VII centuries). *Brief Communications of the Institute of Archeology*. 1968; 113: 10–23. (In Russ)
22. *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C.* Paris: Réunion des musées nationaux, 2000.
23. Kazanski M., Mastykova A. La tombe de Hochfelden. *In Tempore Sueborum*. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018: 109–114.
24. Kühn H. *Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974.
25. Werner J. *Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck)*. Band 1. Die Fibeln. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961.
26. Aibabin AI., Khairedinova EA. *Crimean Goths of the Dori Country (mid-3rd – 7th Centuries)*. Simferopol: Antiqua, 2017. (In Russ)
27. Sculler C., Hernandez J. *La nécropole de Belou Nord à Saint-laurent-des-Hommes. Du royaume goth au Midi mérovingien* / Ed. E. Boube, A. Corrochano, J. Hernandez. Bordeaux: Ausonius, 2019: 143–164.
28. Ebel-Zepezauer W. *Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr.* Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000.
29. Kazanski M., López Quiroga J., Périn P. Le costume féminin des élites germaniques orientales et ses répliques «populaires» dans le royaume wisigothique aux Ve - VIe siècles. *Revue archéologique*. 2022; 1: 127–151.
30. Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc. *Antiquités nationales*. 1997; 29: 167–209.
31. Kazanski M., Périn P. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule. *National Antiquities*. Vol. 29. 1997: 201–217.
32. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Die Archäologie der Westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung. *Zwischen Spätantike und Mittelalter*. Hrsg. S. Brather. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008: 149–192.
33. Kazanski MM., Peren P. Visigoths in Gaul (based on archaeological data). *Archaeological Collection of the State Hermitage*. 2013; 39: 240–266. (In Russ)
34. Kazanski M., Mastykova A., Périn R. Les Wisigoths en Gaule du Nord d'après les données de l'archéologie: état des recherches. *Tractus Aevorum*. 2015; 2(1): 44–87.
35. Pinard Gil J. Decorations, topography and architecture: indicators of social stratification in early Visigothic burial grounds in Spain and Southern France. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2016; 244: 13–46.
36. Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve – VIe siècles). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIIe siècle*. Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993:411–424.
37. Kazanski MM. Antiquities of the post-Hunnic period in the south of Eastern Europe and the Angiscira. *Scripta Antiqua*. Vol. I. 2011: 27–49. (In Russ)

38. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 35. 1910. С. 12–47.
39. Baschmakoff A. Le synthèse des périples pontiques. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner 1948. – 188 p.
40. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster Ph. Oxford: Lancaster Press, Blackwell, 1952. – 200 p.
41. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. Москва: Наука, 2003. С. 200–206.
42. Могильник Дюрсо: Каталог. Часть I / Отв. ред. А.А. Малашев. Москва: МАКС Пресс, 2021. – 448 с.
43. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброс, И. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.
44. Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 7. 2001. С. 41–58.
45. Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма Дюрсо // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 7. 2001. С. 59–69.
46. Суханов Е.В., Свиридов А.Н. Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья // Российская Археология. № 4. 2018. С. 114–129.
47. Cazes J.-P. La nécropole wisigothique de Pezens (Aude) // Du royaume goth au Midi mérovingien / Ed. E. Boube, A. Corrochano, J. Hernandez. Bordeaux: Ausonius, 2019. P. 199–210.
48. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Перевод с греческого С.П. Кондратьева, вступительная статья З.В. Удальцовой. М.: Издательство АН СССР, 1950. – 516 с.
38. Shkorpil VV. Report on excavations in the city of Kerch and on the Taman Peninsula in 1907. *News of the Imperial Archaeological Commission*. 1910; 35: 12–47. (In Russ)
39. Baschmakoff A. Le synthèse des périples pontiques. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1948.
40. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster Ph. Oxford: Lancaster Press, Blackwell, 1952.
41. Dmitriev AV. The Durso burial ground – a standard site of antiquities of the V – IX centuries. In: *Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.) Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages IV–XIII centuries*. Moscow: Nauka, 2003; 200–206. (In Russ)
42. *Durso burial ground: Catalog. Part I*. Ed. A.A. Malashev. Moscow: MAKS Press, 2021.
43. Dmitriev AV. Early medieval fibulae from a burial ground on the river Durso. In: *Ambrose A.K., Erdeli I. (eds.) Antiquities of the Great Migration Period of the 5th–8th centuries*. Moscow: Nauka, 1982: 69–107. (In Russ)
44. Kazanski MM. Chronology of the initial phase of the Durso burial ground. *Historical and Archaeological Almanac of the Armavir Museum of Local History*. 2001; 7: 41–58. (In Russ)
45. Mastykova AV. Social hierarchy of women's graves of the North Caucasian necropolis of Durso, 5th–6th centuries (based on the materials of the Durso costume). *Historical and Archaeological Almanac of the Armavir Museum of Local History*. 2001; 7: 59–69. (In Russ)
46. Sukhanov EV., Sviridov AN. New early medieval burials from the territory of the Western Ciscaucasia. *Russian Archaeology*. 2018; 4: 114–129. (In Russ)
47. Cazes J.-P. La nécropole wisigothique de Pezens (Aude). In: *E. Boube, A. Corrochano, J. Hernandez (eds.) Du royaume goth au Midi mérovingien*. Bordeaux: Ausonius, 2019: 199–210.
48. Procopius of Caesarea. *War with the Goths*. Translated from Greek by S.P. Kondratieva, introductory article by Z.V. Udaltsova. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. (In Russ)

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.

Принята в печать 02.05.2024 г.

Опубликована 15.09.2024 г.

Received 05.04.2024

Accepted 02.05.2024

Published 15.09.2024